

Л. Н. ТОЛСТОЙ И Н. Н. СТРАХОВЪ ВЪ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ.

ВЪ ЯНВАРСКОЙ книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за текущій годъ напечатаны «Листки воспоминаній» Д. И. Стахѣва, подъ заглавіемъ: «Группы и портреты». Въ этихъ «Листкахъ» упоминается о поѣздѣ Л. Н. Толстого и Н. Н. Страхова, въ концѣ семидесятихъ годовъ, въ Оптиную пустынь, монастырь подъ г. Козельскомъ, а также и другихъ нашихъ писателей (Ф. М. Достоевскаго и В. С. Соловьева), бывавшихъ въ монастырѣ вслѣдъ за ними. Д. И. Стахѣву, какъ знакомому съ русской литературой, конечно, извѣстно, что въ Оптиной пустыни и прежде того бывали извѣстные русскіе писатели и нѣтъ ничего удивительнаго, что Толстой и Страховъ вздумали съѣздить туда.

Особенно близокъ былъ къ Оптиной пустыни извѣстный И. В. Кирѣевскій ¹⁾, на взгляды котораго оптинскіе старцы имѣли большое вліяніе; по ихъ совѣту онъ и принялся за чтеніе твореній отцовъ церкви. Это было извѣстно Страхову, а потому догадки автора «Листковъ» — зачѣмъ ѣздили въ монастырь оба названные писатели, — излишни.

Н. В. Гоголь также въ 1850 г. былъ въ Оптиной; объ этомъ упомянуто во второмъ томѣ «Записокъ о жизни Гоголя» П. Ку-

¹⁾ П. В. Кирѣевскій, также какъ и его братъ П. Кирѣевскій, похороненъ въ Оптиной.

лиша, а въ письмахъ Гоголя, изданныхъ В. Шенрокомъ (именно IV т.) напечатано письмо Гоголя къ графу А. П. Толстому изъ деревни, въ которомъ авторъ «Мертвыхъ Душъ» пишетъ о глубокомъ впечатлѣннн, произведенномъ на него этимъ монастыремъ и скитскимъ богослуженіемъ. Въ «Запискахъ» Кулиша также говорится, что Гоголь находилъ, что монастыри имѣютъ благое вліяніе на нравы окрестнаго крестьянскаго населенія. Бываль въ Оптиной и поэтъ А. К. Толстой. Все это было извѣстно болѣе или менѣе и Л. Н. Толстому, который много хорошаго слышалъ про Оптину отъ рабочихъ.

Странно, что этого не знаетъ Д. И. Стахѣевъ, жившій съ Страховымъ долгое время (какъ онъ самъ пишетъ, 18 лѣтъ) на одной квартирѣ, т. е. съ общимъ входомъ; но Страховъ жилъ въ своихъ комнатахъ совершенно самостоятельно, имѣя особую прислугу и свой кругъ знакомыхъ. Страхова этотъ монастырь интересовалъ и онъ меня о немъ разспрашивалъ, зная, что я съ дѣтства въ немъ бывалъ.

Невѣрное и довольно туманное описаніе этой поѣздки (самъ г. Стахѣевъ, какъ онъ пишетъ, никогда въ Оптиной не былъ) заставляетъ меня представить болѣе точное описаніе этой поѣздки— я былъ въ Оптиной нѣсколько дней спустя послѣ отъѣзда писателей и слышалъ отъ самого Страхова рассказы о ней. Я имѣю, кромѣ того, болѣе подробныя и достовѣрныя свѣдѣнія объ отношеніяхъ всѣхъ упомянутыхъ писателей къ Оптиной: мнѣ приходилось говорить о ней съ Ѳ. М. Достоевскимъ и Л. Н. Толстымъ.

Лѣтомъ 1877 г. Толстой и Страховъ пріѣхали въ Оптину изъ Ясной Поляны въ дорожномъ тарантасикѣ, въ самой скромной обстановкѣ, причемъ Толстой, желая, чтобы его не узнали въ монастырѣ, говорилъ, что надо остановиться въ простонародной гостиницѣ. Дорогой онъ рассказывалъ, что много слышалъ отъ народа про старца Абросима (о. Амвросія) и желаетъ его видѣть, да и вообще познакомиться съ бытомъ монастыря. Остановились они въ гостиницѣ у о. Феоктиста, но этотъ гостиничникъ оказался бывшимъ крѣпостнымъ Толстыхъ. Онъ призналъ Льва Николаевича, что доставило обоимъ немалое удовольствіе и вызвало дружеское чаепитіе, на что послѣ нѣсколькихъ отказовъ согласился гостиничникъ, говоря, что это не въ обычай, но что онъ отъ радости видѣть своего барина готовъ съ нимъ пить чай.

За чаемъ Л. Н. сталъ разспрашивать о монастырскихъ порядкахъ и Амвросіи.

— Любвеобильный у насъ старецъ, всѣмъ доступный, хотя и болѣзненный,—говорилъ о. Феоктистъ:—народъ въ немъ находитъ большое утѣшеніе въ скорбяхъ, и вы, графъ, то же испытаете, если обратитесь къ нему съ вѣрой.

По монастырскому обычаю о вновь пріѣзжихъ было доложено настоятелю, которымъ въ то время былъ игуменъ Исаакій.

На другой день, послѣ обѣдни, гостиничникъ проводилъ Л. Н. Толстого въ скитъ къ о. Амвросію, у котораго онъ и пробылъ болѣе часа. По словамъ Страхова, старецъ произвелъ сильное впечатлѣніе на Толстого, который затѣмъ посѣтилъ другихъ иноковъ монастыря и былъ между прочимъ у архимандрита Ювеналія¹⁾, жившаго въ пустыни на покоѣ, бесѣдовалъ съ богомольцами и заглянулъ въ монастырскія хозяйственныя службы.

— Ювеналій человекъ умный и образованный, но такихъ встрѣчаешь и въ свѣтѣ, а я до такихъ не большой охотникъ,—говорилъ Толстой Страхову.—Амвросію же удивительный человекъ,—и совѣтовалъ своему спутнику побывать у него. Онъ также познакомился съ о. Пименомъ, звавшимся Толстого «Левушкой» и, по словамъ Страхова, понравился ему простотою обращенія и простосердечіемъ. Толстой слышалъ о немъ отъ бабъ-богомолокъ.

Пименъ (прежде маляръ) былъ одинъ изъ монастырскихъ духовниковъ, весьма любимый народомъ.

На другой день Толстой со Страховымъ пошли въ скитъ къ о. Амвросію, видѣли собиравшихся къ хибаркѣ (пристройкѣ къ кельѣ старца, выходявшей за ворота скита; богомольцевъ-женщинъ въ скитъ не пускаютъ) и пробыли у старца тоже около часа. Говорилъ съ нимъ одинъ Л. Н., а Страховъ слушалъ и наблюдалъ.

О. Амвросію совѣтовалъ Толстому говѣть въ монастырѣ, т. е. исповѣдываться и приобщиться.

— Вы вѣдь давно не дѣлали этого.

Толстой наканунѣ самъ сказалъ это старцу. О. Амвросію сталъ объяснять значеніе таинствъ въ жизни, напомнивъ слова Евангелія объ искушеніяхъ, постигающихъ человека, ищущаго вѣры и весьма настойчиво говорилъ о необходимости смиренія для христіанина, а затѣмъ вдругъ, обратившись къ молчаливому Страхову, сказалъ: «Наша философія не та, которой вы занимаетесь; мою перениску ведетъ о. Климентъ, онъ человекъ ученый, я васъ съ нимъ познакомлю». Позвалъ о. Климента, а самъ ушелъ къ народу въ хибарку²⁾.

Совѣтъ Амвросія говѣть былъ принятъ Толстымъ, который сталъ ходить къ церковной службѣ, но пріѣхалъ нарочный изъ Яеной Поляны съ извѣстіемъ, что одинъ изъ его дѣтей заболѣлъ, и онъ поспѣшно собрался домой, но зашелъ однако предварительно къ о. Амвросію. Послѣдній говорилъ ему, что болѣзнь ре-

¹⁾ Архимандритъ, въ мѣрѣ Половцевъ, былъ впоследствии архіепископомъ литовскимъ.

²⁾ О. Климентъ, магистръ московскаго университета, ученикъ Грановскаго, Кудрявцева, П. Леонтьева, знатокъ древнихъ языковъ. Сынъ нѣмецкаго пастора въ Москвѣ—въ мѣрѣ Константина Карловичъ Зедергольмъ—принялъ православіе и постригся въ монахи въ Оптиной. Онъ былъ хорошо знакомъ съ Кирѣевскимъ, служилъ въ синодѣ и былъ на Азовѣ.

бенка не серьезна и, вернувшись, онъ найдетъ его здоровымъ, а самого его ждетъ уныніе и тоска, если онъ не будетъ говѣть въ монастырѣ. Толстой общалъ говѣть въ деревнѣ и уѣхалъ. Дома онъ дѣйствительно напелъ ребенка почти совсѣмъ здоровымъ, а самъ впалъ въ уныніе и тоску, постепенно возраставшія. Дѣло доходило до того, что, когда онъ уходилъ въ лѣсъ, за нимъ посылали смотрѣть.

Все это я слышалъ отъ Страхова.

Пріѣхалъ я въ Оптину нѣсколько дней спустя послѣ ихъ отъѣзда; я интересовался знать, какое впечатлѣніе они вынесли и что дѣлали въ монастырѣ.

О. Климентъ, котораго я давно зналъ и любилъ за его расположеніе ко мнѣ, — онъ былъ человекъ душевный и правдивый, — сообщилъ слѣдующее: «Толстой и Страховъ были у насъ и посѣтили батюшку (т. е. о. Амвросія), первый былъ у него нѣсколько разъ.

«Старецъ съ прискорбіемъ смотритъ на его дѣятельность особенно въ будущемъ; сердце его ищетъ вѣры, а въ мысляхъ путаница; онъ слишкомъ полагается на свой умъ и большой раціоналистъ. Страховъ же книжникъ; книги его болѣе всего интересуютъ. Онъ спрашивалъ меня объ Афонѣ, его болѣе всего занимаютъ тамошнія книгохранилища и древніе списки Евангелія.

«Конечно, это имѣетъ значеніе для опредѣленія времени составленія книгъ Новаго Завета, но вѣдь духовная жизнь подвижниковъ Святой Горы предметъ достойный любознательности.

«Толстому, кажется, особенно полюбился о. Пиментъ, хотя онъ ему, по простотѣ, разъ сказалъ при постороннихъ: «Ахъ, Левушка, Левушка, много и красно ты толкуешь, да все пустое, лучше бы ты о душѣ своей подумалъ, вѣдь она у тебя одна¹⁾». Увидите батюшку, онъ вамъ скажетъ, что думаетъ о нашихъ гостяхъ.»

О. Амвросій, когда я его спросилъ о. Л. Н. Толстомъ, вздохнулъ и, задумавшись, сказалъ мнѣ слѣдующее: «мудреный онъ человекъ: сердце ищетъ Бога, а въ мысляхъ путаница и невѣріе. Гордъ онъ очень, духовной гордостью. Много вреда онъ сдѣлаетъ своимъ произвольнымъ и суемудрымъ толкованіемъ Евангелія, которое, по его мнѣнію, никто до него не понималъ, но на все воля Божія».

Старецъ погрузился въ раздумье.

— Н. Н. Страховъ, замѣтилъ я, — можетъ имѣть на него доброе вліяніе. — Такъ я думалъ, основываясь на томъ, что Страховъ всегда говорилъ о религіи съ уваженіемъ.

— Ну, нѣтъ, — живо возразилъ о. Амвросій: — Страховъ человекъ закоснѣлый, невѣріе его глубже и крѣиче.

¹⁾ То же я слышалъ въ монастырѣ и отъ другихъ; сказалъ это, кажется, Пиментъ за обѣдомъ у игумена.

Послѣ этого зашелъ я къ Клименту и передалъ ему мой разговоръ. «Батюшка мнѣ говорилъ то же самое,—отвѣтилъ онъ.—Много бѣдъ предвидитъ онъ отъ Толстого, который можетъ оказать большое вліяніе на умы, а Страхова считаетъ человѣкомъ отпѣтымъ, для котораго вѣра только поэзія». По мнѣнію старца, Страховъ вліянія на Толстого не имѣетъ, скорѣе наоборотъ, это его справочная книга. О Климентъ говорилъ о Толстомъ съ большимъ соболѣзнованіемъ; произведенія его онъ читалъ и особенно хвалилъ повѣсть «Дѣтство». Соблазны должны прійти, но горе человѣку, который соблазняетъ малыхъ сихъ, а Толстой желаетъ учить народъ, хотя самъ страдаетъ духовной слѣпотой. Виновато то воспитаніе, которое онъ получилъ и которое идетъ отъ западныхъ энциклопедистовъ.

Въ Петербургѣ, когда я увидѣлъ Н. Н. Страхова —я его засталъ одного —я, конечно, заговорилъ объ Оптиной, передавъ ему то, что слышалъ. Страхова, видимо, поразилъ отзывъ о немъ старца, молча крутилъ онъ паниросу и, закуривъ, сталъ ходить, что у него было не въ привычкѣ. «Да вѣдь, я, кажется, съ о. Амвросіемъ мало о чемъ и говорилъ, —сказалъ онъ наконецъ.—Черты его лица мнѣ показались схожими съ бюстомъ Вольтера Гужона, хотя выраженіе ихъ другое. Онъ совѣтовалъ мнѣ читать Исаака Сирина, духовнаго наставника монаховъ и великаго душевѣдца, по его словамъ, и подарилъ какую-то брошюрку, въ которой передаются разговоры Ермія съ языческими философами — но это дѣтская книжка, а серьезнаго разговора съ Амвросіемъ у меня не было.»

Н. Н. Страховъ умѣлъ обходить прямые разговоры о религіи. Я съ нимъ часто видѣлся во второй половинѣ 1880-хъ годовъ ¹⁾, когда Страховъ, ѣздившій въ это время въ Константинополь и на Аѳонскую гору, помѣстилъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» статью о своемъ путешествіи.

Въ этой статьѣ онъ тонко и мягко осмѣиваетъ парходную публику, удивляющуюся, какъ онъ, писатель и человѣкъ науки, ѣдетъ въ монастырь, «а монастыри,—улыбаясь, говорилъ Страховъ,—несомнѣнно, кое-что значатъ въ духовной жизни народовъ. Это мнѣніе я вынесъ изъ моей поѣздки въ Оптину».

Л. Н. Толстой, котораго я видѣлъ въ Москвѣ (я былъ у него въ Хамовническомъ переулкѣ послѣ смерти Страхова въ самомъ концѣ 1890 годовъ), говорилъ, что его всегда удивляло, что Страховъ, человѣкъ научно-образованный, отличный стилистъ и безспорно умный человѣкъ, такъ мало оказывалъ вліянія на русское общество, что, вѣроятно, происходило оттого, что онъ былъ равнодушенъ къ вопросамъ религіи.

---

¹⁾ Познакомился я со Страховымъ въ концѣ 1860 годовъ, когда онъ фактически былъ редакторомъ изд. Кашиеровскимъ ежемѣсячнаго журнала «Зари».

Дѣйствительно, какъ я убѣдился во время болѣзни Страхова (у него былъ ракъ въ полости ушей и на языкѣ, ему дѣлали операцію), онъ былъ человекъ невѣрующій, хотя думалъ, что религія нужна для народа. Мягкій и кроткій, онъ сильно раздражился, когда я упомянулъ о священникѣ передъ операціей, и скончался безъ церковнаго напутствія.

Г. Стахѣевъ описываетъ довольно подробно посѣщеніе Страховымъ и Толстымъ въ Оптиный одного старца-схимника и при томъ въ легкомъ и шутливомъ тонѣ. Можно подумать, что рѣчь идетъ о старцѣ Амвросіи, который будто бы тщеславился, что у него братъ генераль; авторъ не называетъ старца по имени. Но это не такъ. Описаніе наружности старца (тусклый взглядъ и т. д.) и всей обстановки его быта говоритъ объ этомъ.

Можно думать, что это былъ старецъ-схимникъ, описанный Достоевскимъ въ романѣ «Братья Карамазовы».

Вл. Соловьева въ Оптиный я не видѣлъ такъ же, какъ и Д. И. Стахѣевъ, предположенія котораго, какъ держали себя въ монастырѣ оба эти писатели, едва ли не ошибочны и во всякомъ случаѣ гадательны.

По крайней мѣрѣ Достоевскій самъ мнѣ говорилъ, что многому научился въ монастырѣ и что старецъ Зосима и обычай старчества въ романѣ «Братья Карамазовы» взяты имъ изъ Оптиной.

— Когда я писалъ о Зосиму,—прибавилъ онъ:—то имѣлъ въ виду Амвросія.

Изъ этого можно заключить, что Достоевскій въ Оптиной не поучалъ только и кое-чему учился.

Вл. Соловьевъ во время бесѣды съ оптинскими богословами, вѣроятно, не читалъ какую-нибудь книгу, какъ предполагаетъ Д. И. Стахѣевъ ¹⁾, а много говорилъ и спорилъ, и его называли даже орломъ, хотя старецъ Амвросій не одобрялъ его взглядовъ на христіанство, находя въ нихъ много произвольнаго,

К. Н. Леонтьева я много разъ видѣлъ въ Оптиной и могу положительно сказать, что въ Оптиной онъ держалъ себя не какъ учитель, да къ тому же онъ проживалъ въ монастырѣ въ качествѣ послушника. Надо знать монастырскій бытъ и правила въ такой строгой обители, какъ Оптина пустынь, чтобы писать о ней.

Л. Н. Толстой былъ нѣсколько разъ въ Оптиной при жизни о. Амвросія и каждый разъ навѣщалъ старца.

Одинъ разъ онъ былъ въ монастырѣ въ крестьянской одеждѣ съ своимъ конторщикомъ, который и описалъ эту поѣздку въ журналѣ «Недѣля» ²⁾.

¹⁾ Онъ это предполагаетъ на томъ основаніи, что Соловьевъ, человекъ расхристанннй и страдавшій глухотой, во время разговоровъ у знакомыхъ часто углублялся въ чтеніе попавшейся ему книги.

²⁾ Т. е. въ прибавленіяхъ къ ней.

Другой разъ былъ съ семействомъ, посѣтилъ Леонтьева, много съ нимъ спорилъ объ Евангеліи, бесѣдовалъ наединѣ съ о. Амвросіемъ, выходя отъ котораго говорилъ, что онъ «растроганъ»— это мнѣ рассказывали нѣкоторые очевидцы.

По словамъ старца Амвросія (это подтверждаютъ бывшіе у него монахи и письмоводитель Е.), Л. Н. Толстой, входя къ нему въ келью, подошелъ подъ благословеніе и поцѣловалъ у него руку, но этого не сдѣлалъ, уходя, потому что огорчился, когда старецъ посовѣтовалъ ему печатно отказаться отъ своихъ заблужденій.

Сестра Толстого, монахиня, въ настоящее время живетъ въ Шамординской женской обители, въ 17 верстахъ отъ Оптиной, основанной о. Амвросіемъ; Толстой нѣсколько разъ былъ у сестры, и она, конечно, могла бы сообщить многое объ отношеніяхъ своего брата къ Оптиной.

Павелъ Матвѣевъ.

